

О неидентифицированном способе выражения диминутивности в енисейских языках

А. Ф. Журавлев

Институт славяноведения РАН / Московский государственный университет

Разбирая в словаре этимологических сближений лексики енисейских языков (Старостин 1995: 222) кетское и югское названия 'лодки-долблѐнки' *dil̄ti:³/dil̄ij⁶* и, соответственно, *diltij⁶*, С. А. Старостин усмотрел в них сложение **t[i]χ-* 'лодка' с начальным *dil*, значение которого определил как неясное, и сделал оговорку: «формально сложение переводится как 'ребѐнок-лодка' [ср. кетск. *dil*, югск. *dil* < праенис. **ʒVI* 'ребѐнок' (Ibid.: 308). — А. Ж.], но это вполне может быть народной этимологией». «Буквальное» чтение реконструируемого сложения, вероятно, показалось ему поверхностным и слишком торопливым — в силу отдельности факта и неподтверждённости образованиями с подобной же внутренней формой.

Однако в этом же словаре, полусотней с чем-то страниц ниже, к праенисейской реконструкции **soʔol* 'нарта' привлечено коттское сложение *fun-čol*, *phun-čol*, plur. *fun-čálan* 'маленькие сани', которое обнаруживает высокое сходство с упомянутым случаем. Оно также представляет собою композитное образование, служащее названием традиционного транспортного средства, с препозицией определительного компонента, прямо читающегося как 'дитя, потомок': «В коттском сложение анализируется как 'дочь-нарта'», ср. коттск. *fun* (югск. *fuʔn*, кетск. *huʔn*) < праенис. **puʔn* 'дочь' (Ibid.: 252). Внутреннее устройство слова расценено автором точно так же: «Это, однако, скорее всего, народная этимология» (Ibid.: 275–276). Основанием для сомнений в необходимости адресоваться к термину нисходящего родства послужило гипотетическое соотнесение Е. А. Хелимским начальной части кетского сложения *buon-čol* 'нарта' с ненецк. *wand'e*, *wandad*, *wandako* 'разновидность нарта', см.: (Хелимский 1982: 240).

Структурная и мотивационная переключка этих двух, по оценке Старостина, результатов наивноэтимологического преобразования никак не прокомментирована. Можно даже предположить, что составитель сравнительного лексикона, погружённый в одновременное разрешение множества — разной значимости и разной степени сложности — задач лингвистической реконструкции, эту параллельность

попросту не заметил. Однако неединичность (по крайней мере двукратность) мотивации при разобщённости конкретных упомянутых фактов во времени и по месту свидетельствования позволяет думать, что их сходство не является случайным. Решительно отказываясь от квалификации начальных компонентов этих сложений как единиц с **первичными** значениями 'ребёнок' и 'дочка', по-видимому, не сто́ит.

Не следует ли, напротив, за затронутыми случаями увидеть некую ономаσιологическую модель? Использование знака (слова, основы) со значением 'ребёнок (сын, дочь...)' в качестве показателя диминутивности логически оправдать нетрудно: человек — мерило вещей, в архаической системе воззрений, строящейся на последовательной антропоморфизации мира, приписать «большой» и «малой» вещам, принадлежащим одному классу, то же отношение, что осознаётся в паре «взрослый человек : дитя» (ненулевой, семантически маркированной точкой в обеих парах являются правые члены), вполне естественно. Самым, наверное, обычным и наглядным образом такое очеловечение неживого мира предстаёт в детских игровых импровизациях, когда на некое единство однородных вещей, чаще триадическое, проецируется семейная иерархия и наименьшая из них получает ситуативный статус и имя «детки, деточки»¹.

(Строго говоря, из двух приведённых енисейских случаев диминутивность как составная часть семантики слова очевидна лишь в коттском примере: «маленькие сани»). В толковании кетского названия 'лодки-моноксила', как оно дано в источнике, нет непосредственного указания на размерность предмета, но уменьшительный характер слова представляется несравнимо более вероятным, чем морфемная актуализация любого другого отличительного признака.)

Слабый уровень развития средств деривации в кетском, констатируемый А. П. Дульзоном, не мешает всё же ему судить о наличии в этом языке «зачатков разработки **словообразовательных** аффиксов, иногда восходящим к существительным» (Дульзон 1968: 92). Он отсылает в этом случае к серии однотипных именований детёнышей животных и птиц (а также видов рыб, подобных другим видам, но отличающихся от них меньшей величиной): *ти:у́т* 'лебедёнок', *тайу́т* 'подъязок', *канггит* 'соколёнок', *кoiуит* 'медвежонок', *тв̆:гит* 'окунёк', *бейуит*

¹ Интересный случай проекции семейной иерархии в иное семантическое пространство обнаружен А. Е. Аникиным (которому мы благодарны за указание на пример). В наивной анатомии, моделируемой некоторыми евразийскими языками, селезёнка воспринимается как орган, парный печени, как некий малый её аналог (связь иллюстрируется юкагирским, корякским, тибетским примерами; в последнем печень и селезёнка трактуются как «старшая и младшая царицы при царе-сердце»). Чукотское название селезёнки, то есть меньшего из «пары» органов, — *н'авъанпонты* — А. Е. Аникин этимологизирует как 'печень-самка' или 'печень-жена' (подтверждая это параллелью в якутском), см. Аникин 2002: 44–45.

‘зайчонок’ (Ibid.: 91). Все они оформлены суффиксом (суффиксоидом?) *-къ°т*, восходящим к слову в значении ‘дитя, потомок’ (см. реконструкцию **gəʔt* ‘дети’ (Старостин 1995: 227)). Использование существительного ‘ребёнок’ в приведённой серии в качестве дериватора говорит о некоей ономасиологической подготовленности сложений, показанных в начале настоящих заметок: аффиксоид, применяемый для образования названий детёныша, сначала должен был испытать приращение значения кровной преемственности и усиление «размерной» семантики, а далее уже открывается возможность смещения подобной аффиксации от имён живых объектов в область именованя предметов (прямо говорить о метафоре было бы не очень точно, поскольку дело заключается не в непосредственном переносе имени, что относится к лексикологической проблематике, а в формировании словообразовательных, то есть скорее собственно строевых механизмов).

Укрепить соображение о передаче в енисейских примерах значения ‘малый; малого размера’ включением в структуру номинации компонента, восходящего к названию ‘дитяти’, можно, обратившись к ономасиологическим параллелям в иных языках. В контексте сказанного интерес представляют, конечно, прежде всего названия явлений вещного мира, то есть проекция отношения ‘взрослый : ребёнок’ в семантику именованя неодушевлённых существностей.

Ограничимся несколькими иллюстрациями из языков Евразии.

Так, в китайском языке древнее знаменательное слово 儿 *ér* ‘сын’, ‘дитя’, сохраняясь в исходном качестве, стало также асиллабическим суффиксом существительных *-r*, передающим значение уменьшительности или ласкательности, ср. *bàr* ‘ручка’ — к *bà* ‘обхват, захват’, ‘горсть, пригоршня’, ‘рукоять’. Суффикс свойствен преимущественно живой разговорной речи.

Другой китайский аффикс, оформляющий помимо прочего уменьшительные имена (и как правило преодолевающий чистую диминутивность в пользу более богатой семантики), — 子 *-z* ([i]) — восходит к слову *zǐ* ‘сын; детёныш; семя, плод’: ср. *zǐmén* 子门 ‘калитка; малые (вторые) ворота’ при *mén* 门 ‘ворота; двери; калитка’.

Аналогично в бирманском языке. Существительное [кэлè] ‘ребёнок’, приобретающая статус уменьшительного суффикса, входит в состав производных существительных — как обозначающих одушевлённые существа ([лу] ‘человек’ — [лукэлè] ‘мальчик’ ← ‘«человечек»’), так и относящихся к предметной лексике ([лан] ‘дорога, улица’ — [ланкэлè] ‘улочка’); ср. БРС: 32.

² Другие исследователи называют использование этих единиц в кетском (как и их аналогов в других енисейских языках) полуаффиксацией, подчёркивая неразвитость деривационных систем и прозрачные истоки описываемого явления в корнесложении. См.: Вернер 1977 (а): 186; Вернер 1977 (б): 194. Обсуждать здесь формальный статус таких единиц нет необходимости, и относящиеся к ним термины (суффикс и проч.) далее применяются условно.

В кхмерском языке для выражения диминутивности используется существительное *ko:n* ‘ребёнок; детёныш животного’: *ko:n-ca:n* ‘блюдец’, *ko:n-phteəh* ‘домик’, *ko:n-la:n* ‘небольшой автомобиль’ (см. MKED: 33–34).

В языках шугнано-рушанской группы у рефлексов праиран. **putra/*puθra* ‘сын’ (шугн., руш., бартанг. *pus*), сохраняющихся в качестве самостоятельного слова, наблюдается также специализация в функции уменьшительного компонента сложных *-buc* («при озвончении **p- > b-* во второй части устойчивых словосочетаний и композитов») (Эдельман 2009: 117). Существенно, что и здесь действие этого словообразовательного приёма неизбирательно по отношению к одушевлённости или «вещности» обозначаемого (Эдельман 2020: 322). Кроме того, оно ориентировано на грамматический род оформляемого существительного. Тадж. *deg* ‘котёл’, будучи заимствованным в шугнанский язык (с оглушением заднеязычного в исходе основы: *dek*), по причине принадлежности к женскому роду распространилось в нём суффиксом *-bic* — «женским» вариантом названного суффикса, происхождение которого имеет двойное объяснение — либо по вторичной перегласовке *-buc*, либо, что иранистами-этимологами рассматривается как более вероятное и в наших обстоятельствах привлекает особенное внимание, из **putri* ‘дочь’. А уже оказавшись усвоенным, оно «приросло» ещё одним диминутивным показателем — стандартным суффиксом *-ak*: *dekbic-ak* ‘котелочек’, ср. *dek-ak* ‘котелок’ по более привычной модели (в таджикском *deg-ak*)³. Эти приобретения носят в шугнанском приметы относительной новизны⁴.

В сарыкольском языке, стоящем в той же группе памирских языков несколько обособленно, обнаруживается подобное же деривационное преобразование: например, *ði/ûxn* ‘stone mortar’ развилось в *ði/ûxna-bī/ûxc* ‘stone pestle’ [‘«son of the mortar»’ (Morgenstierne 1974: 32); в инакой записи — *дыхнабыс* ‘каменный пест’, с тем же уменьшительным компонентом *-buc < *putra* ‘сын’; у Г. Моргенштерне на месте действительной сарыкольской формы *дыхп* — шугнанская *дixп*; см.: Расторгуева, Эдельман 2003: 316 («‘сын ступы’»), 355].

В хорезмийском привлекает внимание композитное название ‘саженца’ (‘деревца’) — *‘fr’γ-z’dyk*, буквально ‘дерево-детёныш’ (Henning 1971: 10) (цит. по Расторгуева, Эдельман 2003: 128).

³ Если предположить, что *dekbic* — это не просто «маленький котёл», а какая-то разновидность, позволено будет сказать, «жанр котла», то картинка уподобится той, которую мы находим в предложенных русских эквивалентах: *котёл* → *котелок* ‘небольшой котёл с некоторыми собственными функциями’ (диминутивность притуплена) → *котелочек* (с «возобновлённой» уменьшительностью).

⁴ Автор признателен Джой Иосифовне Эдельман за уточнения, касающиеся памирских данных.

Было бы разумно не обойти вниманием сходные номотетические явления в топонимии, в частности в гидронимии, где, как и в оронимии, соотносительной размерности именуемых объектов приписывается принципиальная значимость. Многочисленность тождественнокорневых пар, образуемых гидронимами в «нулевых» и диминутивных формах (*Дон — Донец; Дунай — Дунаец, Дунайка, Дунайко; Истра — Истрица; Ловать — Ловатец, Ловатянка; Дністер — Дністрик, Дністричка; Звір* [*< *jъzvorъ*] — *Зворець*...), в совокупности с хорошо известным нам притяжением названиями крупных рек фольклорных эпитетов вроде *батюшка, матушка* (о Дунае, Доне, Енисее, Амуре, Волге..., ср. нем. *Vater Rhein*, англ. *Father Thames, Father of Waters* о Миссисипи в «Квартеронке» Майн Рида) или прямой связью гидронима с термином восходящего родства (ср. эстон. *Emajõgi* ‘мать-река’) отражает классификационные принципы, которые не могут не срабатывать в появлении цельнословных мотивационных коррелятов, втягивающих название ‘дитяти’ во внутреннюю форму собственного имени соотносимого географического объекта, меньшего по размерам. Предельный же в этом отношении случай образуют гидронимические пары, где дифференцирующими компонентами сложений оказываются оба имени — и ‘дитяти’ и ‘родителя’. Таковы, например, сопряжённые ономастические факты, приводимые топонимистом А. П. Афанасьевым: «*Пию* (<...>, р., лев. приток р. Йирва; Удорский р-н. Коми *Пию* букв. „сын реки“, возможно, метафора в значении „приток“, где *пи* „сын“, *ю* „река“» (Афанасьев 1996: 124); ср. *Айю*, прав. приток р. Лопью в Корткеросском р-не — «коми *ай* „отец“(<...>), в топонимии: „верхний“, „главный“» (Ibid.: 20)⁵. Понятно, что подобные противопоставления складывались в доономастическом лексическом пространстве и лишь позже стали достоянием проприального словаря.

Мотивационные связи и смысловые параллели, затронутые здесь или близкие им, можно проследить также, выйдя за поставленные структурные (и территориальные) ограничения, например, дополнив тип цельнословной номинации словосочетаниями в духе лексического аналитизма, как в английском: *baby plane* ‘авиетка, маленький самолет’, *baby car* ‘малолитражный автомобиль’ и под.; в малайском/индонезийском: *anak* ‘ребёнок, потомок; сын, дочь’⁶ → *anak ayam* ‘цыплёнок’, *anak babi* ‘поросёнок’, но кроме того *anak air* ‘речка, ручей’, *anak angin* ‘ветерок’, *anak bukit* ‘горка, холм’, *anak gobék, anak lumpang* ‘пест, пестик’ (при *gobék, lumpang* ‘ступка’! ср. приведённый выше сарыкольский пример), *anak sungai* ‘речка’, ‘приток’, ономастическое *Anak Krakatau* — небольшой остров в Зондском проливе, возникший после катастрофического извержения вулкана Кракатау (БИРС I: 40–41); в суахили: *mtoto* ‘ребёнок, потомок’ → с одной стороны, *mtoto wa simba* ‘львёнок’, с другой же — *mtoto wa meza* ‘ящик стола’, *mtoto wa mto* ‘приток реки’ (СРС: 409), или, наконец, попросту обратившись к «чистой» однословной метафорике, в фор-

⁵ О вторичных значениях коми *ай* см. также Лыткин, Гуляев 1970: 31.

⁶ Также ‘вторичный, подчинённый, дочерний’.

мальном плане свободной от рубрикационной привязки именуемого (ср. русские диалектные образцы вроде арханг. *детинка* ‘небольшое озерцо, соединённое протокой с более крупным озером’ (СГРС, т. III: 220); арханг. *сынок* ‘безымянный палец’, *дочка* ‘мизинец’, см. Березович 2014: 234–235⁷).

Однако и сказанного, видимо, достаточно, чтобы убедиться по меньшей мере в необязательности предположения о наивноэтимологической переосмысленности отмеченных енисейских фактов.

Литература

- Аникин А. Е. 2002. О названиях селезёнки в языках Евразии. В: XXIII Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы Международной конференции 25–27 июня 2002 года. Ч. I. Томск, 43–48.
- Афанасьев А. П. 1996. Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар.
- Березович Е. Л. 2014. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва.
- БИРС = Большой индонезийско-русский словарь под ред. Р. Н. Коригородского. В 2 т. Москва: Русский язык, 1990.
- БРС = Бирманско-русский словарь под ред. Г. Ф. Мининой и У Чо Зо. М., 1976.
- Вернер Г. К. 1977а. Кетский язык. В: Языки мира. Палеоазиатские языки. Москва, 177–187.
- Вернер Г. К. 1977б. Югский язык. В: Языки мира. Палеоазиатские языки. Москва, 187–195.
- Дульзон А. П. 1968. Кетский язык. Томск.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1970. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2003. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2: *b–d*. Москва.
- СГРС = Словарь говоров Русского Севера. Т. III. Г–Ж. Екатеринбург, 2005.
- СРС = Суахили-русский словарь под ред. Н. В. Громовой. М.: Ключ-С, 2012.
- Старостин С. А. 1995. Сравнительный словарь енисейских языков. В: Кетский сборник. Лингвистика. М. 176–315.
- Хелимский Е. А. 1982. Keto-Uralica. В: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Ленинград, 238–254.
- Эдельман Д. И. 2009. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. Москва.
- Эдельман Д. И. 2020. Этимологический словарь иранских языков. Т. 6: *p–r*. Москва.
- Henning W. B. 1971. A Fragment of Khwarezmian Dictionary. Ed. by D. N. MacKenzie. London.
- MKED = [Teum Citrā]. Modern Khmer-English Dictionary. Phnom Penh: Nokor Thom, 2011.
- Morgenstierne G. 1974. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. (Beiträge zur Iranistik, Bd. 6.) Wiesbaden.

⁷ Последние два (анатомических) примера рассматриваются на фоне аналогичных регистраций, вся совокупность которых позволяет реконструировать целый метафорический комплекс, исходящий из представления о «семье» (параллелей с названиями пальцев руки в языках иных генетических групп немало, а метафора ‘мизинец’ ← ‘младенец’ вообще принадлежит чуть ли не к семантическим универсалиям).